

На точность выстрелов Гао Чана возразить было нечего.

— Мы живём в деревне, а вы в городке. На самом деле наши пути редко пересекаются. Давайте считать, что сегодняшнее происшествие было недоразумением, — предложил Гао Чан.

— Это недоразумение, пожалуй, слишком серьёзное, — тот потирал шею, наклонился, чтобы поднять винтовку, но её накрыла мохнатая лапа.

Он поднял глаза и увидел Да Хуана, который смотрел на него сверху вниз, слегка прищурившись, явно довольный собой. Взгляды встретились, и обычный человек быстро проиграл потомку бога-пса. Он повернулся к Гао Чану:

— Что это значит?

— Он хочет твою винтовку, — Гао Чан, прожив с Да Хуаном больше десяти лет, хорошо его понимал. — Ты хотел съесть его мясо, а теперь отдашь винтовку как компенсацию за моральный ущерб.

Вскоре они спустились с холма, сели в машину и уехали в сторону городка. Гао Чан не был уверен, будут ли они мстить их деревне, ведь эта компенсация явно была дана неохотно.

Мужчины подошли ближе, хваля меткость Гао Чана и выражая опасения, что эти люди могут создать им проблемы. Было ясно, что с ними лучше не связываться, и если они решат напасть на их двор, всем придётся несладко. Однако никто не предложил сдать Да Хуана, чтобы избежать неприятностей. Все знали характер Гао Чана и то, как он дорожил собакой.

Гао Чан понимал, что рано или поздно силы из городка обратят внимание на их деревню. Их оружие явно не было предназначено только для самозащиты. Он объяснил это мужчинам и призвал всех быть начеку, ведь теперь опасны не только насекомые и звери, но и люди.

Да Хуан был в хорошем настроении. Он сидел на земле, играя с винтовкой, то кладя её горизонтально, то вертикально, то пытаясь поставить на лапу, словно настоящий фанат огнестрельного оружия.

— Зачем тебе винтовка? — Когда мужчины разошлись, Гао Чан присел рядом с Да Хуаном и тихо спросил.

Ведь тот был потомком бога-пса, и, если бы он серьёзно занимался культивацией, ему бы не было равных. Зачем таскать на себе десятки килограммов железа? Может, просто для крутости? — Гао Чан мысленно усмехнулся.

— Стрелять в птиц, — оказалось, Да Хуан был практичен.

Как потомок бога-пса, когда он достигнет уровня божества, на земле у него почти не будет соперников, в воде тоже, ведь он умеет плавать. Но в небе всё иначе — крылья есть только у птиц.

К шести часам вечера уже почти стемнело, и Гао Чан с товарищами собрали вещи, чтобы вернуться в деревню. Влажность в воздухе усиливалась, и скоро должен был начаться дождь. В темноте и на скользкой дороге, без возможности зажечь факелы, путь мог стать опасным.

В этот день урожай был неплохим. На холме, хотя и было много насекомых, жители деревни редко собирали там травы, так что они успели накопиться. Папоротник можно было засолить и хранить в банках почти полгода, а горькие травы — высушить и замочить в воде перед употреблением. Также они накопили дикого лука, который придаст вкус их пресной пище, и женщины с детьми во дворе наверняка будут рады.

С хорошим урожаем настроение у всех поднялось, и они быстро шли домой, с нетерпением ожидая, когда смогут поделиться добычей с остальными. Они мечтали принять душ и попросить жён приготовить что-нибудь вкусное. Чэнь Юйчжэнь была отличной хозяйкой, и она наверняка приготовит что-то особенное.

На полпути хлынул сильный дождь, и мужчины, промокшие с головы до ног, побежали обратно. Но чем ближе они подходили к своему двору, тем сильнее Гао Чан чувствовал, что что-то не так. Обычно в это время дети уже вовсю шумели, но сегодня было странно тихо.

Гао Чан взглянул на Да Хуана и увидел, что тот слегка прищурился, его выражение стало серьёзным. Видимо, что-то случилось. У Да Хуана был острый нюх, и если что-то произошло, он уже почувствовал это. Поскольку они были почти у дома, Гао Чан не стал спрашивать, ведь всё станет ясно, как только они войдут во двор.

У задних ворот их двора все почувствовали неладное. Обычно в дождливые дни люди во дворе радовались, ведь мужчины приносили еду, половину которой можно было оставить себе. Женщины и дети всегда ждали у ворот, с нетерпением глядя на мешки, чтобы узнать, что принесли мужчины.

Но на этот раз лестницу спустил только Чжэн Гохун, который остался охранять двор. Больше никто не появился.

— Гохун, что случилось? — Мужчины, промокшие до нитки, чувствовали, как тревога сжимает их сердца.

— Заходите, я всё расскажу.

Чжэн Гохун спустил лестницу и больше не произнёс ни слова. Мужчины, несущие на спине собранные травы, начали подниматься. Гао Чан шёл последним, услышав шум из зала. На таком расстоянии он уже явно чувствовал запах крови, хотя дождь смывал его, и остальные не

замечали.

В зале лежали несколько досок, на которых были уложены тела разного размера, все изуродованные и окровавленные. Большинство из них были детьми. Гао Чан насчитал четырнадцать человек, семь из которых — дети, четыре женщины и три старика.

Чжэн Гохун рассказал, что вскоре после того, как мужчины ушли, во дворе появилось множество крыс. Многие дети ещё спали и начали кричать, когда их начали кусать. Несколько мужчин пошли по домам, чтобы вывести женщин и детей во двор. Но крысы были невероятно агрессивны, они прыгали и вырывали куски мяса, даже мужчины не могли с ними справиться, а старики и дети были совершенно беспомощны.

Самое ужасное, что крысы в первую очередь нападали на детей, а их во дворе было много. Котёнок Гао Чана, Мяоцзай, немного помог, но крыс было слишком много. Мужчины не могли всех защитить, и им пришлось прятать детей, кто куда мог — в бочки, амбары, шкафы. Во дворе царил хаос, дети кричали, и их невозможно было успокоить. Когда они наконец прогнали крыс, оказалось, что несколько детей уже...

Мужчины, потерявшие своих близких, были в отчаянии, особенно Чжэн Фанъи, который лишился единственного сына и жены. Теперь в его семье остались только две дочери. Он хотел выяснить отношения с братом Чжэн Цунганом, ведь тот вытянул длинную палочку и остался охранять двор, а в их семье никто не погиб.

Если в доме оставался мужчина, ситуация обычно была лучше. Хотя их задачей было охранять двор, в случае опасности каждый в первую очередь спасал своих. Самопожертвование было редким явлением. Однако нельзя сказать, что они ничего не делали — у всех мужчин были укусы разной степени тяжести, и если бы не их защита, потери были бы ещё больше.

Дядюшка Цзю дезинфицировал раны, промывая укусы крыс солёной водой и накладывая на них пепел. Сейчас пепел из курильниц был редкостью, ведь благовоний не достать, а значит, и пепла не осталось. Зато пепел из котлов был всегда — их переворачивали и соскребали лопатой, и почти каждый в деревне умел это делать.

Чжэн Фанъи и его брат Чжэн Цунган громко спорили, но никто не вмешивался. Те, кто потерял близких, были погружены в своё горе, и никому не хотелось быть посредником. Те, кому повезло больше, тоже были напуганы, обнимая своих жён и детей и стараясь не вмешиваться в чужие дела.

<http://bllate.org/book/15437/1369053>